

В. В. ШУЛЬГИН

<«Керенский дал лозунг: “Государственная дума не проливает крови”»>

<Фрагменты>

<...> Кто-то говорил и требовал, чтобы Дума сказала, с кем она: со старой властью или с народом? С тем народом, который идет сюда, который сейчас будет здесь и которому надо дать ответ.

В эту минуту около дверей заволновались, затолпились, раздался какой-то повышенный разговор, потом расступились, и в зал бежал офицер...

Он перебил заседание громким заскакивающим голосом.

— Господа члены Думы, я прошу защиты!.. Я — начальник караула, вашего караула, охранявшего Государственную думу¹... Ворвались какие-то солдаты... Моего помощника тяжело ранили²... Хотели убить меня... Я едва спасся... Что же это такое? помогите...

Это бросило в взволнованную человеческую ткань еще больше тревоги.

Кажется, Родзянко ответил ему, что он в безопасности — может успокоиться...

В эту минуту заговорил Керенский:

— Происшедшее подтверждает, что медлить нельзя!.. Я постоянно получаю сведения, что войска волнуются!.. Они выйдут на улицу... Я сейчас еду по полкам... Необходимо, чтобы я знал, что я могу им сказать. Могу ли я сказать, что Государственная дума с ними, что она берет на себя ответственность, что она становится во главе движения?..

Не помню, получил ли ответ Керенский... Кажется, нет... Но его фигура вдруг выросла в «значительность» в эту минуту... Он говорил решительно, властно, как бы не растерявшись... Слова и жесты были резки, отчеканены, глаза горели...

— Я сейчас еду по полкам...

Казалось, что это говорил «власть имеющий»...

— Он у них — диктатор... — прошептал кто-то около меня.

Кажется, в эту минуту, а может быть и раньше, я попросил слова...

У меня было ощущение, что мы падаем в пропасть. Бессознательно я приготовился к смерти. И мне, очевидно, хотелось сказать нам всем эпитафию, сказать, что мы умираем такими, как жили:

— Когда говорят о тех, кто идет сюда, то надо, прежде всего, знать — кто они? Враги или друзья?.. Если они идут сюда, чтобы продолжать наше дело — дело Государственной думы, дело России, если они идут сюда, чтобы еще раз с новой силой провозгласить наш девиз: «Все для войны», то тогда они наши друзья, тогда мы с ними... Но если они идут с другими мыслями, то они друзья немцев... И нам нужно сказать им прямо и твердо: «Вы — враги, мы не только не с вами, мы против вас!».

Кажется, это заявление произвело некоторое впечатление, но не имело последствий... Керенский еще что-то говорил... Он стоял, готовый к отъезду, решительный, бросающий резкие слова, чуть презрительный...

Он рос... Рос на начавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить <...>.

А у Керенского были какие-то маленькие зацепки... Они не годились ни для чего крупного. Но они давали какую-то иллюзию власти. Это для актерской, легко воспламеняющейся, самой себе импонирующей природы Керенского было достаточно... какие-то группы вооруженных людей пробивались к нему сквозь человеческое месиво, залившее Думу, искали его, спрашивали, что делать, как «защищать свободу», кого схватить... Керенский вдруг почувствовал себя «тем, кто приказывает»...

Вся внешность его изменилась... Тон стал отрывист и повелителен... «Движения быстры»...

Я не знаю, по его ли приказанию или по принципу «самозарождения», но по всей столице побежали добровольные жандармы «арестовывать»... Во главе какой-нибудь студент, вместо офицера, и группа «винтовщиков» — солдат или рабочих, чаще тех и других... Они врывались в квартиры, хватали «прислужников старого режима» и волокли их в Думу.

Одним из первых был доставлен Щегловитов, председатель Государственного совета, бывший министр юстиции, тот министр,

при котором был процесс Бейлиса³ (не потому ли он был схвачен первым?). Тут в первый раз Керенский «развернулся»...

Группка, тащившая высокого седого Щегловитова, пробивалась сквозь месиво людей, и ей уступали дорогу, ибо поняли, что схватили кого-то важного... Керенский, извещенный об этом, резал толпу с другой стороны... Они сошлись...

Керенский остановился против «бывшего сановника» с видом вдохновенным:

— Иван Григорьевич Щегловитов — вы арестованы!

Властные, грозные слова... «Лик его ужасен».

— Иван Григорьевич Щегловитов... ваша жизнь в безопасности... Знайте: Государственная дума не проливает крови. — Какое великодушие!.. «Он прекрасен»...

В этом сказался весь Керенский: актер до мозга костей, но человек с искренним отвращением к крови в крови.

*Esslesia abhogget sanquinen*⁴.

Так говорили отцы-инквизиторы, сжигая свои жертвы...

Так и Керенский: сжигая Россию на костре «свободы», провозглашал:

— Дума не проливает крови... <...>

Я не помню точно, когда это было. Но это было в кабинете Родзянко. Я сидел против того большого зеркала, что занимает почти всю стену. Вся большая комната была сплошь набита народом. Беспомощные, жалкие — по стеночкам примостились на, уже сильно за эти дни потрепанных, креслах и красных шелковых скамейках — арестованные. Их без конца тащили в Думу. Целый ряд членов Государственной думы только тем и занимался, что разбирался в этих арестованных. Как известно, Керенский дал лозунг: «Государственная дума не проливает крови». Поэтому Таврический дворец был прибежищем всех тех, кому угрожала расправа революционной демократии. Тех, кого нельзя было выпустить хотя бы из соображений их собственной безопасности, направляли в так называемый «павильон министров», который гримасничающая судьба сделала «павильоном арестованных министров». В этом отношении между Керенским, который, главным образом, «ведаль» арестным домом, и нами установилось немое соглашение. Мы видели, что он играет комедию перед революционным сбродом, и понимали цель этой комедии. Он хотел спасти всех этих людей. А для того, чтобы спасти, надо было сделать вид, что, хотя Государственная дума не проливает крови, она «расправится с виновными»...

Остальных арестованных (таковых было большинство), которых можно было выпустить, мы передерживали вот тут, в кабинете Родзянко. Они обыкновенно сидели несколько часов, пока для них изготавливались соответственные «документы». Кого тут только не было...

Исполняя тысячу одно поручение, как и все члены Комитета, я как-то, наконец, выбившись из сил, опустился в кресле кабинета Родзянко против того большого зеркала... В нем мне была видна не только эта комната, набитая толкающими и шныряющими во все стороны разными людьми, но видна была и соседняя, «кабинет Волконского»^{5/6}, где творилось такое же столпотворение. В зеркале все это отражалось несколько туманно и несколько картинно...

Вдруг я почувствовал, что из кабинета Волконского побежало особенное волнение, причину которого мне сейчас же шепнули:

— Протопопов арестован!..

И в то же мгновение я увидел в зеркале, как бурно распахнулась дверь в кабинете Волконского и ворвался Керенский. Он был бледен, глаза горели, рука поднята... Этой протянутой рукой он как бы резал толпу... Все его узнали и расступились на обе стороны, просто испугавшись его вида. И тогда в зеркале я увидел за Керенским солдат с винтовками, а между штыками тщедушную фигурку с совершенно затурканным, страшно съезжившимся лицом... Я с трудом узнал Протопопова...

— Не смей прикасаться к этому человеку!..

Это кричал Керенский, стремительно приближаясь, бледный, с невероятными глазами, одной поднятой рукой разрезал толпу, а другой, трагически опущенной, указывая на «этого человека»...

Этот человек был «великий преступник против революции» — «бывший» министр внутренних дел.

— Не смей прикасаться к этому человеку!..

Все замерли. Казалось, он его ведет на казнь, на что-то ужасное. И толпа расступилась... Керенский пробежал мимо, как горящий факел революционного правосудия, а за ним влекли тщедушную фигурку в помятом пальто, окруженную штыками... Мрачное зрелище...

Прорезав кабинет Родзянко, Керенский с этими же словами ворвался в Екатерининский зал, битком набитый солдатами, будущими большевиками и всяким сбродом...

Здесь начиналась реальная опасность для Протопопова. Здесь могли наброситься на эту тщедушную фигурку, вырвать ее у часовых,

убить, растерзать — настроение было накалено против Протопопова до последней степени.

Но этого не случилось. Пораженная этим странным зрелищем — бледным Керенским, влекущим свою жертву, — толпа раздалась перед ними.

— Не смей прикасаться к этому человеку!..

И казалось, что «этот человек» вовсе уже и не человек...

И пропустили. Он прорезал толпу в Екатерининском зале и в прилегающих помещениях и довел до «павильона министров»... А когда дверь павильона захлопнулась за ними — дверь охраняли самые надежные часовые, — комедия, требовавшая сильного напряжения нервов, кончилась. Керенский бухнулся в кресло и пригласил «этого человека»:

— Садитесь, Александр Дмитриевич!

